

Нет автора

Русская старина

1906. 7_9

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Русская старина: 1906. 7_9 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 772 с.

ISBN 978-5-458-02879-0

ISBN 978-5-458-02879-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

1906.

ЮЛЬ. — АВГУСТЪ. — СЕНТЯБРЬ.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ ОТО ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о), Фонтанка, 117.

1906.

Digitized by Google

P Slow 605, 25

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1906 годъ.

Тридцать седьмой годъ изданія.

Если исторія народа описывается на основаніи государственныхъ документовъ, хранящихся въ пыли архивовъ, то это далеко не есть еще исторія народа и его жизни. Архивныя свѣдѣнія, на сколько они доступны для частнаго человѣка, конечно, имѣютъ свою цѣну. Но эти свѣдѣнія рисуютъ только одну сторону,—официальную,—показываютъ, такъ сказать, внѣшнюю, повязанную жизнь народа въ извѣстную эпоху. И если бы пришлось ограничиваться только этою стороною, то мы были бы очень далеки отъ задачи полнаго историческаго описанія народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ въ разное время.

Вотъ почему дополненіемъ къ исторіи и служатъ бытовыя описанія внутренней жизни народа, а матеріалъ для этого заключается въ историческихъ воспоминаніяхъ, историческихъ изслѣдованіяхъ, мемуарахъ и запискахъ частныхъ лицъ, въ дневникахъ, въ описаніяхъ бытовой жизни въ разныя эпохи. Нередко дневникъ простаго обывателя своими правдивыми разказами лучше всякаго официального документа нарисуетъ бытовое русское старинное и въ яркомъ свѣтѣ изобразитъ умственный и нравственный строй народа въ извѣстную эпоху.

Поэтому журналъ „РУССКАЯ СТАРИНА“, имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) историческія изслѣдованія; 2) записки, воспоминанія и дневники разныхъ лицъ; 3) очерки и разказы; 4) жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) историческіе разказы и преданія; 7) документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) мемуары и разказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи и вообще западной исторической бытовой старины; 9) народную словесность; 10) архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, какъ гражданскихъ, такъ военныхъ и духовныхъ, при благосклонномъ участіи которыхъ журналъ издается въ теченіе 36 лѣтъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣляется уступка, по 30 в. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

ВЫШЕЛЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ

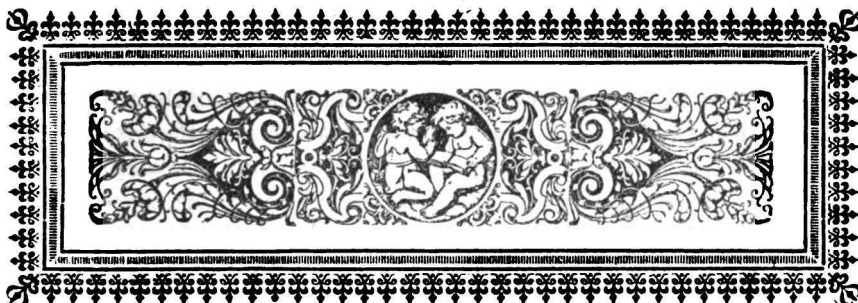
„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

за 1897—1902 г.г.

Цѣна съ пересылкою для подписчиковъ „Русской Старины“

1 рубль, а для всѣхъ остальныхъ 1 рубль 50 коп.

Pierce Fund

Записки императрицы Екатерины Второй.

(1729—1751).

В самый день смерти матери, императоръ Павелъ приказалъ графу Растопчину запечатать и потомъ разобрать ея бумаги, въ числѣ которыхъ находилась знаменитая записка полуграмотнаго Алексѣя Орлова: „Матушка, пощади и помилуй, дуракъ нашъ вздумалъ драться, мы его и порѣшили“... Прочитавъ записку, Павелъ перекрестился и сказалъ: „слава Богу, наконецъ, я вижу, что мать моя не убійца“. Растопчинъ нашелъ и эти мемуары. Они запечатаны были въ пакетѣ съ надписью: „Его императорскому высочеству великому князю Павлу Петровичу, моему любезнѣйшему сыну“, и состояли изъ самаго текста и коротенькихъ отрывковъ на клочкахъ бумаги, на которыхъ Екатерина означала отдѣльные случаи своего прошедшаго, и, вѣроятно, потомъ составляла по нимъ рассказъ свой. Въ такомъ видѣ подлинная рукопись хранится въ Государственномъ архивѣ, въ Петербургѣ. Мемуары написаны въ послѣдніе годы царствованія, не раньше 1783 года, потому что Екатерина говоритъ въ одномъ мѣстѣ о графѣ Никитѣ Панинѣ, какъ о покойникѣ, а онъ умеръ въ 1783 году, въ мартѣ. Цѣль ихъ очевидна; это—потребность души, великой при всѣхъ недостаткахъ и даже преступленіяхъ, оправдаться въ глазахъ сына и потомства, которое, конечно, должно оцѣнить и побужденіе, и искренность этихъ призваній. Но невозможность полного оправданія какъ будто выражается въ томъ самомъ, что мемуары не доведены до конца, ни даже до главной катастрофы.

¹⁾ Печатано съ лейпцигскаго изданія.

Какъ будто великая женщина сама поддалась недостаткамъ, столь живо ею изображаемымъ; она, дѣйствительно, приняла участіе во всѣхъ интригахъ двора, превышая своихъ противниковъ только умомъ и ловкостью, а не нравственнымъ достоинствомъ. Обманутая Салтыковымъ, послѣ долгихъ искушеній, она рѣшается на борьбу съ судьбой и, въ свою очередь, не разбираетъ средствъ.

Говорятъ, что Павелъ далъ только одну копію мемуаровъ другу и товарищу своего дѣтства, князю Александру Куракину. Когда онъ умеръ въ 1818 году, Александръ Ивановичъ Тургеневъ успѣлъ проникнуть въ его бібліотеку и снялъ для себя списоки. Отсюда пошли всѣ списки, существовавшіе въ Россіи. Пушкинъ въ Одессѣ собственноручно переписалъ для себя всѣ мемуары изъ бібліотеки графа Воронцова. Около 1827 года, когда императоръ Николай приказалъ Блудову разобрать дворцовый бумажный хламъ, мемуары были ему показаны, и потомъ подъ государственною печатью положены въ Главный архивъ. Еще отъ матери своей, предубѣжденный противъ Екатерины, Николай называлъ ее обыкновенно „черною женщиною“, простирая свою ненависть не только къ личности ея, но и къ ея учрежденіямъ. Рассказываютъ, что когда Арсеньевъ, преподавая наслѣднику русскую исторію, дошедши до царствованія Екатерины, началъ восхвалять ея мудрость и славное правленіе, ученикъ сталъ глядѣть на него съ удивленіемъ, и на вопросъ, что его удивляетъ, отвѣчалъ: „Какъ же я всегда слышалъ, что она запятнала нашъ родъ“. Преслѣдованіе мемуаровъ началось съ тѣхъ поръ, какъ Тургеневъ проговорился императору Николаю, что знаетъ ихъ. Николай посылалъ черезъ III отдѣленіе къ тѣмъ лицамъ, у кого были списки, просить ихъ для себя, и потомъ сожигалъ. Даже наслѣдникъ его не могъ достать завѣтной рукописи до самаго вступленія своего на престолъ; въ мартѣ 1855 года, когда Государственный архивъ находился въ Москвѣ (его увезли на всякій случай отъ англичанъ, стоявшихъ подъ Петербургомъ), одинъ изъ важныхъ чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ нарочно пріѣзжалъ съ ключами архива доставать мемуары для прочтенія государю. Съ тѣхъ поръ начались новые списки.

I.

Мать Петра III, дочь Петра I, скончалась отъ чахотки, черезъ два мѣсяца послѣ его рожденія, въ небольшомъ голштинскомъ городѣ Килѣ. Ее сокрушила тамошняя жизнь и несчастное супружество. Отецъ Петра III, голштинскій герцогъ Карлъ - Фридрихъ — племян-

никъ шведскаго короля Карла XII—былъ государь слабый, бѣдный, дурень собою, небольшого роста и слабого сложенія (смотри журналъ Берхгольца въ „Магазинѣ“ Бюшинга). Онъ умеръ въ 1739 г., и опеку надъ его сыномъ, которому тогда было около 11 лѣтъ, принялъ его двоюродный братъ, герцогъ голштинскій и епископъ любекскій, Адольфъ-Фридрихъ, вступившій потомъ, вслѣдствіе абовскаго мира и по ходатайству императрицы Елизаветы, на шведскій престолъ. Главнымъ воспитателемъ Петра III былъ гофмаршалъ двора его, Брюмеръ, родомъ шведъ, потомъ оберъ-камергеръ Берхголецъ, авторъ вышеупомянутаго журнала, и четыре камергера, изъ которыхъ одинъ, Адлерфельдтъ, написавшій исторію Карла XII. Вахмейстеръ былъ шведъ, а двое другихъ, Вольфъ и Мардефельдтъ, голштинцы. Принца воспитывали, какъ наследника шведскаго престола. Дворъ его, слишкомъ многочисленный для Голштиніи, раздѣлялся на нѣсколько партій, ненавидѣвшихъ другъ друга. Каждая партія старалась овладѣть душою принца, воспитать его по-своему и, разумѣется, внушить ему отвращеніе къ своимъ противникамъ. Молодой принцъ отъ всей души ненавидѣлъ Брюмера и не любилъ никого изъ своихъ придворныхъ, потому что они его таяготили.

Съ десятилѣтняго возраста Петръ III обнаружилъ склонность къ пьянству. Его часто заставляли являться на придворные выходы и слѣдили за нимъ неусыпно. Въ дѣтствѣ и въ первые годы пребыванія въ Россіи онъ любилъ двоихъ стариковъ-камердинеровъ: лифляндца Крамера и шведа Румберга. Сей послѣдній былъ для него дороже всѣхъ. Это былъ человѣкъ довольно грубый и неотесанный; онъ служилъ драгуномъ въ полкахъ Карла XII. Брюмеръ, а слѣдовательно и Берхголецъ, который на все глядѣлъ глазами Брюмера, были приверженцы принца, опекуна и правителя. Всѣ остальные не любили этого принца и еще менѣе его приближенныхъ.

Императрица Елизавета, вступивъ на престолъ русскій, послала за племянникомъ въ Голштинію камергера Корфа, и принцъ-правитель немедленно отправилъ его въ сопровожденіи гофмаршала Брюмера, камергера Берхгольца и камергера Дикера (который былъ племянникомъ Брюмера). Приѣздъ его чрезвычайно обрадовалъ императрицу. Вскорѣ затѣмъ она отправилась короноваться въ Москву. Она рѣшилась объявить принца временно своимъ наследникомъ, но прежде всего онъ долженъ былъ принять греческую вѣру. Враги гофмаршала Брюмера, а именно оберъ-камергеръ графъ Бестужевъ и графъ Никита Панинъ, долго бывшій русскимъ посланникомъ въ Швеціи, увѣряли, будто, какъ скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что императрица объявитъ своего племянника наследникомъ русскаго престола, Брюмеръ всячески старался испортить душу и сердце своего питомца,

между тѣмъ какъ прежде онъ прилагалъ стараніе, чтобы воспитать его достойнымъ шведской короны. Но я никогда не могла повѣрить столь жестокому обвиненію и объясняла воспитаніе Петра III стеченіемъ несчастныхъ обстоятельствъ. Расскажу, что видѣла и слышала. Этимъ объяснится многое.

Въ первый разъ я увидала Петра III, одиннадцати лѣтъ, въ Евтинѣ, у его опекуна принца-епископа любекскаго, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ кончины отца его, герцога Карла-Фридриха. Это было въ 1739 г. Принцъ-епископъ созвалъ въ Евтинѣ всѣхъ родственниковъ, чтобы представить имъ своего питомца. Моя бабушка (мать принца-епископа) и сестра его, моя мать, пріѣхали изъ Гамбурга и привезли меня съ собою. Мнѣ было тогда десять лѣтъ. Кромѣ того, тамъ были еще принцъ Августинъ и принцесса Анна, братъ и сестра принца-опекуна и правителя Голштиніи. Тутъ я услышала, какъ собравшіеся родственники толковали между собою, что молодой герцогъ наклоненъ къ пьянству, что его приближенные не дадутъ ему напиваться за столомъ, что онъ упрямъ и вспыльчивъ, не любитъ своихъ приближенныхъ и особливо Брюмера; что, впрочемъ, онъ довольно живаго нрава, но сложенія слабаго и болѣзненнаго. Дѣйствительно, цвѣтъ лица его былъ блѣденъ; онъ казался тощъ и нѣжнаго темперамента. Онъ еще не вышелъ изъ дѣтскаго возраста, но придворные хотѣли, чтобы онъ держалъ себя, какъ совершеннолѣтній. Это тяготило его, заставляя быть въ постоянномъ принужденіи. Натянутость и неискренность перешли отъ вѣнскихъ пріемовъ обращенія и въ самый характеръ.

Вскорѣ по пріѣздѣ этого голштинскаго двора въ Россію, явилось шведское посольство съ просьбою, чтобы императрица дозволила племяннику своему быть наслѣдникомъ шведскаго престола. Но Елисавета, уже объявившая свои намѣренія на этотъ счетъ въ предварительныхъ статьяхъ абовскаго мира (какъ выше сказано), отвѣчала шведскому сейму, что племянникъ ея наслѣдуетъ русскій престолъ, и что она не отступаетъ отъ предварительныхъ статей абовскаго мира, по которому наслѣдникомъ шведскаго престола долженъ быть принцъ-правитель Голштиніи. Старшій братъ принца-правителя былъ обрученъ съ императрицею Елисаветою незадолго до смерти Петра I. Бракъ не состоялся, потому что женихъ умеръ отъ оспы черезъ нѣсколько недѣль послѣ обрученія. Но императрица Елисавета сохранила объ этомъ принцѣ самое нѣжное воспоминаніе, которое выражала всѣмъ его родственникамъ.

Такимъ образомъ Петръ III, исповѣдавъ вѣру по обряду греческой церкви, былъ объявленъ наслѣдникомъ Елисаветы и великимъ княземъ русскимъ. Въ учителя ему дали Симона Тодорскаго, бывшаго потомъ

епископомъ псковскимъ. Принцъ былъ крещенъ и воспитанъ по обряду и въ правилахъ самаго строгаго и наименѣе вѣротерпимаго лютеранства. Съ дѣтства онъ не хотѣлъ ничему учиться, и я слышала отъ его приближенныхъ, что въ Килѣ по воскресеньямъ и въ праздничные дни стояло великихъ трудовъ, чтобъ заставить его идти въ церковь и подчиниться благочестивымъ обрядамъ, и что въ разговорахъ съ Симономъ Тодорскимъ онъ по большей части обнаруживалъ отвращеніе отъ религіи. Его императорское высочество не хотѣлъ ни съ чѣмъ согласиться, спорилъ о каждомъ предметѣ, и приближенные его часто бывали призываемы, чтобъ охладить его горячность и склонить къ болѣе мягкимъ выраженіямъ. Наконецъ, послѣ многихъ для себя неприятностей, онъ подчинился волѣ императрицы, своей тетки, но, можетъ быть, по предрасудку, по привычкѣ или по охотѣ противорѣчить, онъ нѣсколько разъ выражалъ, что ему пріятнѣе было бы уѣхать въ Швецію, нежели оставаться въ Россіи. Брюмеръ, Берхгольцъ и другіе голштинцы оставались при немъ до его женитьбы. Къ нимъ для виду присоединили нѣсколько учителей. Преподаватель русскаго языка, Исаакъ Веселовскій, съ самаго начала являлся рѣдко, а потомъ вовсе пересталъ ходить; профессоръ Штелинъ, который долженъ былъ учить его математическимъ наукамъ и исторіи, собственно только игралъ съ нимъ и служилъ вмѣсто шута. Всѣхъ точнѣе былъ балетмейстеръ Ланге, учившій танцованію. Во внутреннихъ своихъ комнатахъ великій князь занимался исключительно военною выправкою нѣсколькихъ лакеевъ, которые были даны ему въ услуженіе. Онъ возводилъ ихъ въ чины и степени, и потомъ разжаловалъ, какъ ему вздумалось. Это были настоящія дѣтскія игры, постоянное ребячество. Вообще онъ былъ очень ребячливъ, хотя ему было уже шестнадцать лѣтъ въ 1744 г. Въ 1744 г., 9-го февраля, я съ матерью своею пріѣхала въ Москву, гдѣ тогда находился русскій дворъ.

Русскій дворъ въ то время раздѣленъ былъ на два большіе стана, или партіи. Во главѣ первой, начинавшей снова возвышаться послѣ своего униженія, стоялъ вице-канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ. Онъ внушалъ къ себѣ гораздо больше страха, нежели привязанности, былъ до чрезвычайности пронырливъ и подозрителенъ, твердъ и непоколебимъ въ своихъ мнѣніяхъ, довольно жестокъ съ подчиненными, врагъ непримиримый, но другъ друзей своихъ, которыхъ не покидалъ, пока они сами не измѣняли ему: впрочемъ, неуживчивъ и во многихъ случаяхъ мелоченъ. Онъ управлялъ департаментомъ иностранныхъ дѣлъ. Передъ побѣдкою двора въ Москву онъ потерпѣлъ неудачу въ борьбѣ съ приближенными императрицы, которыхъ хотѣлъ отмѣнить, но теперь онъ начиналъ оправляться. Онъ держался Англій и дво-

ровъ вѣнскаго и дрезденскаго. Приѣздъ мой и матери былъ ему не-приятенъ, какъ дѣло, тайно отъ него устроенное противною партіею. У него было множество враговъ, но всѣ они трепетали передъ нимъ. Онъ имѣлъ надъ ними превосходство въ занимаемой имъ должности, а характеромъ своимъ неизмѣримо превъшалъ дипломатовъ царской передней.

Противоположная партія держала сторону Франціи, находившейся подъ французскимъ покровительствомъ Швеціи и короля прусскаго. Душою этой партіи былъ маркизъ де-ла-Шетарди, а матадорами—прибывшіе ко двору голштинцы. Они привлекли къ себѣ Лестока, одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ переворотѣ, который возвелъ на русскій престолъ императрицу Елисавету. Лестоку въ значительной степени пользовался ея довѣренностью. Онъ служилъ при императрицѣ Екатеринѣ I и по кончинѣ ея сдѣлался лейбъ-медикомъ Елисаветы. И матери и дочери онъ оказалъ существенныя услуги. Онъ былъ довольно уменъ, хитеръ и умѣлъ вести интригу, но нрава злаго и сердца чернаго. Всѣ эти иностранцы поддерживали и выводили впередъ графа Михаила Воронцова, который также участвовалъ въ переворотѣ и сопровождалъ Елисавету въ ту ночь, когда она вступала на престолъ. Она женила его на племянницѣ императрицы Екатерины I, на графинѣ Аннѣ Карловнѣ Скавронской. Сія послѣдняя воспитывалась вмѣстѣ съ императрицею Елисаветою и была къ ней очень привязана. Къ этой же партіи присоединился графъ Александръ Румянцевъ, отецъ фельдмаршала, заключившій съ Швеціею абовскій миръ, почти безъ участія Бестужева. Сюда же отчасти принадлежали генераль-прокуроръ Трубецкой, все семейство Трубецкихъ, и, слѣдовательно, принцъ Гессенъ-Гомбургскій, пользовавшійся въ то время большимъ уваженіемъ; самъ по себѣ онъ ничего не значилъ, его уважали по многочисленной семьѣ жены его, отецъ и мать которой были еще живы. Старуха Трубецкая была въ большомъ почетѣ.

Главными изъ остальныхъ приближенныхъ къ императрицѣ были тогда Шуваловы. Они соперничали съ оберъ-егермейстеромъ Разумовскимъ, который на ту пору считался первымъ фаворитомъ. Бестужевъ умѣлъ пользоваться ими; но главною опорю служилъ ему баронъ Черкасовъ, кабинетъ-секретарь императрицы, бывшій нѣкогда при кабинетѣ Петра I, человѣкъ суровый и упрямый, любившій порядокъ и справедливость и требовавшій, чтобы во всемъ соблюдалась заведенная форма. Остальные придворные присоединялись то къ той, то къ другой партіи, смотря по выгодамъ и по личнымъ видамъ.

Казалось, великій князь былъ радъ приѣзду моей матери и моему. Мнѣ тогда шелъ пятнадцатый годъ. Въ первые дни онъ былъ очень предупредителенъ ко мнѣ. Уже тогда, въ это короткое время, я увидала и поняла, что онъ мало цѣнилъ народъ, надъ которымъ ему